

Отец Андрей Колесников

Я ТАК ХОТЕЛ УСЛЫШАТЬ ОТ ВАНИ ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС,
ЧТО СОВЕРШЕННО ЗАБЫЛ, ЧТО РЯДОМ
СО МНОЙ СИДИТ МАЛЬЧИК ШЕСТИ ЛЕТ ОТ РОДУ

Я УТРОМ хотел отвезти детей в школу. Когда получается, я стараюсь это делать. Стараюсь не в том смысле, что заставляю себя, а в том, что очень хочу, но не всегда получается (впрочем, все равно уже, что бы ни написал, похоже на попытку оправдания). В общем, я хотел это сделать и спросил проснувшегося и одетого, но лежащего в кровати ничком с закрытыми глазами Ваню, хотел бы он, чтоб я отвез их, или не хотел бы. Разумеется, это было кокетство с моей стороны, и для Вани это было ясно. Он открыл глаза и с упреком сказал: — Ну конечно, хотел бы. Машу я даже спрашивать не стал. Азря: она не захотела. Я был в шоке. У нее появились собственные планы! До сих пор она не отрывала их от Ваниных. Только производственная необходимость могла заставить их разлучиться: плавание в разное время или Машины танцы и Ванино ушу, совпадающие во времени... Но сознательно отказаться от моего общества и от общества брата ей раньше и в голову не могло прийти. То есть я засек этот момент в ее жизни. Это случилось через две недели после того, как ей исполнилось восемь лет. Ради чего она это сделала? Чтобы ее отвезла мама. То есть и этот момент я тоже засек. Так, все, Маша льнет к маме. Но Ваня-то — к папе. — Маша, — спросил он, — ты что, не едешь с нами? — Нет, — говорит Маша, — вы что-то долго собираетесь. Я с вами опоздаю в школу. А мне еще цветы купить надо. Это была правда: у кого-то в школе случился день рождения. — А, ну ладно, — сказал Ваня, — тогда мы поехали. Через полминуты он был готов к выходу из дома, и ему даже пришлось подождать меня: я не ожидал от него такой прыти в буквальном смысле этого слова. Я знаю почему. Он хотел для начала показать, что долгие сборы не причина для того, чтобы не ехать вместе с нами в школу, и что на самом деле у Маши есть какие-то другие причины. И я не могу сказать, что ему не удалось это показать. Более того, я и сам одевался со слишком подозрительной быстротой, чтобы ее можно было списать на обычную торопливость, когда кто-то куда-то слегка, но уж точно не безнадежно опаздывает. Тем более что мы с Ваней никуда не опаздывали: в детском саду нет звонка в 9 утра на первый урок (хотя он его и слышит, потому что детский сад и школа — в одном здании). Нет, мне, хотя я себе, наверное, и не признался в этом, тоже хотелось показать, что цветы не причина для того, чтобы отказываться с нами ехать. В машине Ваня сказал мне: — Папа, у меня есть одна идея. Ты, наверное, не согласишься. Азря. — Ну, давай, говори, — сказал я, в общем, обреченно. Что он опять себе присмотрел в том магазине на втором этаже? — Давай сделаем тату машине, — сказал он. Ему удалось меня удивить.

— Подожди, Ваня, — сказал я. — Ты что имеешь в виду? То же, что и я? Я-то подумал про аэрографию. Более того, я про нее и в самом деле думаю уже некоторое время. Мне хочется, но меня останавливает только одно: я не могу придумать сюжета. У меня нет в голове картинки, которая должна быть на машине. Я смотрел сайты, ездил к людям, которые занимаются этим, я перебрал кучу собственных вариантов — и ничего. То, что я видел, кажется пошлым, а то, что придумывал, — пафосным. Ваня имел в виду именно аэрографию. — Ну, такое же тату, — пояснил он, — как я на руке себе делаю иногда. Эти тату, как правило, вложены в жвачку «Хаббл-баббл» и ценны тем, что, по моему, никогда не повторяются. Еще больше они ценны тем, что стираются через день или в крайнем случае через два. — Согласен, — говорю я, злясь оттого, что мы на ровном и обычно пустом месте попали в пробку, и что надо было поехать другой дорогой, и что Маша с мамой могут нас теперь опередить. — Но что мы нарисует? — Я знаю что, — говорит Ваня. — А ты разве еще не догадался? — Нет, — говорю я с мгновенно возросшим интересом. — Сдаюсь. То есть я, будучи крайне заинтересованным в результате, сознательно перескакиваю через несколько этапов разговора, которые ритуально предшествуют капитуляции и обычно доставляют мне удовольствие: первая попытка, вторая попытка... — Буквы должны быть, — говорит он. — Какие? — Все, — отвечает он. — Все, какие есть. Весь алфавит. Чтобы люди ездили мимо нас и учили. Я так хотел услышать от него ответ на этот так мучающий меня самого вопрос, что совершенно забыл о том, кто сидит рядом со мной. А рядом со мной сидел мальчик шести лет от роду. Потом я подумал о том, что на самом-то деле это не такая уж плохая идея, особенно для машины журналиста. И что сделать-то это можно по-разному (не обязательно же писать на машине «Коммерсантъ»). Пафос, конечно, в этом тоже есть, но можно попробовать и без пафоса. И я говорю: — Надо подумать. Не исключено. А еще идеи есть? — Конечно, — отвечает Ваня. — Тигра надо нарисовать. — Ну, — говорю, — тигр на каждой второй машине есть. Такой, прыгающий, что ли? С раскрытой пастью? — Ну да, — упавшим голосом говорит Ваня. — Я знаю, что он есть. Я понимаю, что он сначала сказал то, что хотел, а потом, — то, что, он думал, может понравиться мне. И он расстроился оттого, что мне не это понравилось. Может, правда, я придумал себе эти его переживания. Но, скорее всего, нет. — Нет, — повторяю я. — Зверей на машине не

должно быть. Ни диких, ни домашних. Еще варианты есть? — Конечно, — говорит Ваня. — Надо Маше позвонить. То есть попросил помощь друга. Не может без нее обходиться. И не стыдится признаться в этом. Мы звоним Маше. Они тоже уже выехали. — Тату? — переспрашивает Маша. — Я знаю, что можно сделать. Когда я смотрела «Мою прекрасную няню», то прекрасная няня нарисовала девочке тату: дракон, но не весь, а только голова, а внизу он как привидение, и на нем пятнышки... В общем, пап, я тебе нарисую. Я попробовал представить себе, что это будет. — Ладно, — говорю, — Маша, спасибо. — Не за что, — отвечает Маша. — А вы где? — А мы в пробке ехали, а теперь уже подъезжаем к школе. А вы где? — А я не скажу, — говорит она и отключает телефон. То есть они еще не доехали. — Ваня, — опять поворачиваю я голову к мальчику, — можешь еще что-нибудь предложить? Это уже нечестно, я понимаю. Он и так уже много предложил. Но я все-таки еще на что-то надеюсь. (Хотя тот первый вариант все-таки интересный.) — Конечно, — говорит он. — Можно небо нарисовать, и в нем самолет летит. Получится, что ты наперегонки с самолетом едешь. Или можно, например, космос нарисовать. Я еще первую часть не успеваю осмыслить, насчет неба и самолета, а сам уже про космос тоже думаю. — А как ты космос нарисует? — Планеты надо будет нарисовать, и все, — отвечает Ваня. — Это будет понятно. Юпитер там... — Ты что, планеты знаешь? — спрашиваю я. — Ну конечно, папа, — говорит он. — Почему ты все время удивляешься, когда я что-то знаю? — Ну тогда какие еще есть планеты? Я вообще-то хотел ему сказать, что какое-то из его предложений, похоже, пройдет и будет реализовано, но сначала закончим разговор о планетах. Не надо было на меня нападать. Да, я удивляюсь. Что, он имеет в виду, что я так редко с ним бываю, что меня удивляет, когда выясняется, что он о чем-нибудь знает? — Давай, — говорю, — назови планеты тогда. — Ну, значит, так, — поднимает он глаза с таким сосредоточенным видом, как будто видит все эти планеты как меня и надо только не забыть их все перечислить. — Юпитер, Сатурн... Ничего себе, думаю я. И правда знает. — Венера — продолжает он. — Гарделандия... — Что?! — Гарделандия, — повторяет Ваня. — Ты откуда такую планету знаешь? — У меня в компьютерной игре она есть. Я тебе покажу, если не веришь. А я верю. И я когда выхожу из детского сада и разворачиваюсь на маленьком пяточке, мне кто-то отчаянно сигналил. Я с недоумением смотрю в зеркало: я же никого там не трогал. А, это Маша подъехала.